

**Санкт-Петербургский государственный университет
Исторический факультет
Кафедра истории древней Греции и Рима
Центр антиковедения**

МНЕМОН

**Исследования и публикации по истории
античного мира
Под редакцией профессора Э.Д. Фролова**

Выпуск 13

**Санкт-Петербург
2013**

А.В. Васильев

Маски предков (*imagines*) и их значение для римской аристократии в эпоху классической республики*

В последнее время римскую культуру принято характеризовать как преимущественно визуальную, в основе которой лежит зрительное впечатление. Исследователи подчеркивают особую театральность, присущую римской общественно-политической жизни и подразумевающую превращение любого значимого публичного мероприятия в своего рода представление, в котором роли зрителей и актеров нередко переплетаются между собой¹. В связи с этим, в современной историографии придается большое значение различным обрядовым действиям, в частности ритуалам погребения и поминовения видных представителей римской аристократии.

В данном очерке мы коснемся одной из нетипичных черт римского аристократического погребального обряда: обычая использования восковых масок предков (*imagines*) как в самой погребальной процессии, так и в дальнейшем домашнем почитании умерших. На основании известных нам письменных свидетельств и археологических памятников мы постараемся проследить происхождение этой традиции, а главное, оценить ее значимость в публичной репрезентации римского нобилитета времен классической республики (III-II вв. до н.э.).

В историографии Нового времени погребальным маскам, в том числе римским *imagines*, посвящен ряд специальных отечественных и зарубежных работ². Сравнительно недавно вышла монография Х. Флауэр, в которой спе-

* Исследование выполнено при поддержке РФНФ, проект № 13-31-01013-а1 «Маска в античном театре: происхождение, семантика, основные контексты функционирования».

¹ О римской культуре, как культуре «спектакля», писал еще Кл. Николе: *Nicolet Cl. The World of Citizen in Republican Rome* / Transl. P.S. Falla. Berkeley – Los Angeles, 1980. P. 343 ff. В настоящее время тему перформанса в римской культуре разрабатывает немецкий исследователь К.-И. Хёлкескамп: *Hölkeskamp K.-J. The Roman republic as theatre of power // Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Ed. by H. Beck, A. Duplâ, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge, 2011. P. 162 f.

² *Benndorf O. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken*. Wien, 1878; *Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение*. Казань, 1906; *Zadoks-Josephus Jitta A.N. Ancestral Portraiture in Rome*. Amsterdam, 1932.

циально исследуются римские маски предков (*imagines*)³. Тем не менее, многие вопросы, связанные с этой темой, по-прежнему остаются дискуссионными и мало изученными. Это во многом связано с фрагментарным характером источниковой базы: в нашем распоряжении всего два сравнительно подробных письменных свидетельства об *imagines* (остальные и вовсе отрывочны), первое из которых относится ко II в. до н.э. (Polyb., VI, 53), а второе уже к императорскому времени (Plin. N.H., XXXV, 2, 6). Что касается археологических находок, то среди ученых нет единого мнения относительно существования каких-либо материальных подтверждений использования *imagines* в том виде, в котором они описываются у Полибия и Плиния.

Для начала обратимся к уже упомянутым письменным свидетельствам и проанализируем, какую информацию об *imagines* мы можем из них извлечь. Полибий в VI книге своей «Всеобщей истории», завершив обзор римского государственного устройства и его сравнение со строем других известных в то время государств, делает небольшое отступление, целью которого является разъяснить читателю, каким образом римлянам удается «вести войны с неослабным рвением до конца, пока не одолеют врага». Согласно Полибию, боевое рвение в юношах поддерживалось с помощью различных действий, в том числе торжественного погребального шествия при похоронах знатных граждан, во время которого тело покойного выставлялось на ложе, а кто-либо из его родственников произносил речь о заслугах усопшего и совершенных им при жизни подвигах (Polyb., VI, 53, 1-3). Далее Полибий пишет: «После того, как возданы погребальные почести и совершено установленное обычаем, изображение умершего они ставят на видное место в доме, облакая его в маленький деревянный храм. Изображение это – есть маска, сделанная с особым сходством и по форме и по чертам [лица покойного – А.В.]» (Polyb., VI, 53, 4-5: μετὰ δὲ ταῦτα θάψαντες καὶ ποιήσαντες τὰ νομιζόμενα τιθέασιν τὴν εἰκόνα τοῦ μεταλλάξαντος εἰς τὸν ἐπιφανέστατον τόπον τῆς οἰκίας, ξύλινα ναΐδια περιτιθέντες. ἢ δ' εἰκὼν ἐστὶ πρόσωπον εἰς ὁμοιότητα διαφερόντως ἐξεργασμένον καὶ κατὰ τὴν πλάσιν καὶ κατὰ τὴν ὑπογραφὴν).

Плиний Старший в «Естественной истории», порицая расточительность современной ему римской знати, говорит о том, что в агриумах предков нельзя было увидеть подобной роскоши. Вместо бронзовых и мраморных статуй «в отдельных шкафах там были расставлены слепленные из воска лица, то есть изображения, предназначенные для сопровождения похорон членов рода» (Plin. N.H., XXXV, 2, 6: *expressi cera vultus singulis disponebantur armariis, ut essent imagines, quae comitarentur gentilicia funera*). То, что маски были сделаны из воска, подтверждается также свидетельством историка I в. до н.э. Саллюстия, который в «Югуртинской войне», рассуждая о доблести, внуша-

³ Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxford, 1996.

емой изображениями предков, упоминает, что «конечно, не воск и не этот образ содержит в себе такую силу» (Sall. Iug., 4, 6: *scilicet non ceram illam neque figuram tantam vim in sese habere*).

Теперь обратим внимание на тот археологический материал, который интерпретировался как *imagines* или близкие им по типу изображения. Наиболее любопытна в этом отношении восковая маска (или вернее голова) из гробницы близ города Кум, хранящаяся в Неаполитанском музее, которая с большой реалистичностью передает черты лица безбородого мужчины, имеет вставные стеклянные глаза и даже хранит следы волос⁴. Проблема интерпретации этой находки состоит в том, что найденная в гробнице рядом с обезглавленным скелетом она вряд ли была *imago* аристократа, а почти наверняка служила для восполнения при погребении недостающей головы казненного преступника⁵.

Имеется также серия рельефов позднереспубликанского времени⁶, которые, согласно предположению Дж. Тойнби, изображают те самые восковые или терракотовые *imagines*, хранящиеся в небольших деревянных святилищах, о которых писал Полибий⁷. Схожий материал предоставляют и каменные стелы с изображениями бюстов усопших, высеченные глубоко в нишах, напоминающих деревянные *armaria* («шкафы»), в которых хранились изображения предков в домах аристократов. Одна из таких стел хранится в музее Кампано города Капуи и представляет собой прямоугольное углубление с пилястрами по бокам, венчаемое архитравом и фронтоном, внутри которого расположены поясные бюсты Ветулеи Вассы и ее дочери Руфы⁸. Наконец, некоторые алтари I в. н.э. по своему виду напоминают одиночные или двойные бюсты на постаментах, что можно интерпретировать как продолжение традиции республиканских *imagines*⁹.

А.И. Вошинина полагала, что надгробные скульптурные портреты умерших сосуществовали с восковыми масками уже в республиканское время, а в эпоху Империи постепенно заменили маски, сохранив документальную точность сходства. Одним из образцов такого раннего портрета советская исследовательница считала относящийся к II в. до н.э. надгробный рельеф с портретом римлянина, хранящийся в музее Коленгагена (Нью-Карлсберг). Полуфигура старого римлянина в тоге изображена в нише, по нижнему краю которой вырезано имя старика. Его лысый череп, ввалившиеся щеки, втянутые

⁴ Benndorf O. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Taf. XIV, 6.

⁵ Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. P. 6 f.

⁶ Zadoks-Josephus Jitta A.N. Ancestral Portraiture in Rome. Pl. 4: a, b, c.

⁷ Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. London, 1971. P. 246.

⁸ Vessberg O. Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik. Leipzig, 1941. S. 273, Taf. 45, fig. 2.

⁹ Altmann W. Die römischen Grabaltäre der Kaiserzeit. Berlin, 1905. S. 210-214; 216-218, figs. 168, 170-173, 175, 177, 178.

губы, жилистая старческая шея переданы художником с неприятно поражающим реализмом. В этом портрете нет ни малейшего намека на стремление идеализировать, облагородить или оживить лицо¹⁰.

Впрочем, по мнению Х. Флауэр, иконография всех рассмотренных типов изображений не позволяет утверждать, что мы имеем дело с *imagines maiorum*, известными из литературных источников, или с чем-то подобным. Портреты на рельефах, стелах и алтарях являются скорее бюстами, чем масками, а встречающиеся среди них изображения женщин, которые совершенно точно не могли иметь *ius imaginum*, свидетельствуют о том, что в данном случае речь идет о совсем ином типе памятников¹¹.

Несмотря на убедительность аргументации Х. Флауэр, невозможно отрицать наличия определенной связи между портретными бюстами и восковыми масками предков¹². Возможно, что между сообщениями письменных источников и археологического материала нет столь явного противоречия. Как указывает Э. Грюэн, ни один текст не дает четкого описания *imagines*, а значит нет оснований предполагать, что именно восковые маски служили в качестве изображений предков, с гордостью выставляемых дома¹³. Если предположить, что античные авторы могли понимать под *imago* (как и под *πρόσωπον*) не только восковую маску, использовавшуюся лишь во время похоронной церемонии, но и восковой бюст, выставлявшийся в особой нише, напомилавшей небольшое святилище, то данное противоречие исчезает само собой.

Среди исследователей нет единства и в том, считать ли *imagines* погребальными масками или рассматривать их как совершенно особую форму изображений, не имеющую прямой связи с погребальным ритуалом. Г. Мейер, автор статьи об *imagines maiorum* в Реальной энциклопедии Паули-Виссовы, вслед за известным исследователем XIX в. О. Бенндорфом полагал, что практика изготовления восковых масок происходит из обычая выставлять тело покойного (*collocatio*) дома в течение семи дней перед погребением, о чем сообщал Сервий (Serv. Aen., V, 64). Маски служили для того, чтобы прикрыть лицо, на котором довольно быстро должны были появиться следы разложения¹⁴.

С.К. Кузнецов еще в начале XX в. вслед за этнологами того времени объяснял смысл погребальных масок тем, что умерший, для того чтобы благополучно перейти в загробный мир, должен был с помощью особой маски обмануть адских стражей, то есть, скрывая лицо за маской ужасающего вида, мог

¹⁰ Воцинина А.И. Очерк истории древнеримского искусства. Л., 1947. С. 50 сл.

¹¹ Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. P. 7.

¹² Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. P. 248.

¹³ Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. Ithaca – New York, 1992. P. 154 f.

¹⁴ Meyer H. Imagines Maiorum // PWRE. Bd. VIII. Hbhd. 17. Stuttgart, 1914. Sp. 1097.

сам внушать страх демонам, встречающимся на загробном пути, и таким образом без помехи продвигаться вперед¹⁵.

Однако римские маски предков, насколько нам известно, имели совсем иные функции: с одной стороны, они хранились дома и выставлялись во время общенародных жертвоприношений, а с другой – использовались в погребальном шествии для создания иллюзии присутствия прославившихся предков на похоронах члена их рода (Polyb., VI, 53, 6). В обоих случаях речь идет скорее о социальном, чем о ритуальном предназначении.

Неоднократно отмечалось, что мы не располагаем свидетельствами, указывающими на то, что именно маски, снятые с лица умершего, служили в качестве изображений предков (*imagines*) и с гордостью выставлялись дома или участвовали в погребальных шествиях¹⁶. Х. Флауэр утверждает, что римские маски предков не имеют никакой связи с миром духов, а их предназначение исключительно светское и, главным образом, политическое¹⁷.

Впрочем, в современной историографии есть и другая точка зрения. Дж. Поллини полагает, что восковые *imagines* имели не только важное религиозное значение, но и магическую символику. Во-первых, они участвовали во всех церемониях, связанных с почитанием духов умерших (Манов и Парентов), и олицетворяли эти божества во время жертвоприношений. С другой стороны, актеры, которые надевали маски предков во время ритуала погребения, буквально становились для окружающих теми, кого они изображали, и в этом смысле *imagines* имели вполне конкретную магическую функцию¹⁸.

По-видимому, маски предков все же были тесно связаны с погребальным ритуалом, и их религиозные и магические функции не стоит отрицать. Однако в эпоху классической республики общественно-политическое значение *imagines*, как нам представляется, вышло на первый план.

Для того чтобы лучше понять смысл традиций, связанных с изображениями предков, необходимо попытаться проследить их происхождение. Плиний Старший сообщает, что искусство снимать восковые маски с человеческого лица, используя гипсовые формы, открыл Лисистрат Сикионский, брат великого греческого скульптора IV в. до н.э. Лисиппа (Plin. N.H., XXXV, 44, 153). Тем не менее, искусство лепки из глины появилось в Италии гораздо раньше (VII в. до н.э.) вместе с прибытием из Коринфа в Этрурию Демарата (отца римского царя

¹⁵ Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение. С. 4.

¹⁶ Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. P. 47; Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. P. 155.

¹⁷ Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. P. 2.

¹⁸ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome: Memory, Religion, Class Struggle, and the Wax Ancestral Mask Tradition's Origin and Influence on Veristic Portraiture // Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean. Oriental Institute Seminars. № 3. Chicago, 2007. P. 243 ff.

Тарквиния Гордого), которого сопровождали лепщики Эвхир, Диоп и Эвграм (Plin. N.H., XXXV, 43, 152). Косвенным подтверждением этого свидетельства Плиния служит раскопанный недалеко от Сиены так называемый дворец Мурло (середина VII – начало VI в. до н.э.), в котором были обнаружены терракотовые изображения предков, украшавшие стропила крыши, наряду с изображениями некоторых мифических существ (грифонов и горгон)¹⁹.

Известно, что у этрусков был сложный погребальный ритуал. Обилие погребальной утвари было обнаружено во всех этрусских склепах городских некрополей. Об этрусских погребальных масках можно судить в частности по бронзовой маске, хранящейся в музее Грегориано²⁰. Реалистично выполненные портреты на этрусских погребальных урнах свидетельствуют о высоком уровне мастерства этрусков в этом деле. Свидетельством того, что этруски использовали маски в период выставления тела покойного, может являться саркофаг в музее Кампано, на крышке которого высечено изображение молодой женщины, лицо которой обведено глубокой чертой, как бы ограничивающей края маски его покрывающей²¹. Исходя из этого, некоторые исследователи делали вывод об этрусском происхождении традиции изготовления восковых масок предков²².

С другой стороны, было отмечено, что традиция скульптурного портрета умерших, связанная с заупокойным культом, была характерна не только для представителей этрусской знати, но была распространена и среди широкой массы населения Этрурии²³. Кроме того, различные формы почитания предков, связанные с портретным искусством, прослеживаются и у других италийских и средиземноморских народов²⁴.

Общность римского и этрусского аристократического этоса прослеживается в практике сохранения памяти о знаменитых предках в форме надгробных надписей (элогиев), в которых перечислялись выдающиеся заслуги покойного. Открытие элогия Тарквиниев, датированного началом I в. н.э., доказало, что в эпоху Августа этрусские аристократические семьи сохраняли историческую память о своих далеких предках²⁵. Традиция записи на камне элогиев видных представителей знатных родов в Риме известна с середины III в.

¹⁹ *Torelli M.* Archaic Rome between Latium and Etruria // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge, 2008. P. 40.

²⁰ *Dennis G.* Die Städte und Begräbnisplätze Etruriens. Darmstadt, 1973. Taf. IX, 100.

²¹ *Кузнецов С.К.* Погребальные маски, их употребление и значение. С. 18.

²² *Drerup H.* Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. 87. S. 120; *Кузнецов С.К.* Погребальные маски, их употребление и значение. С. 33.

²³ *Воичина А.И.* Очерк истории древнеримского искусства. С. 26.

²⁴ *Zadoks-Josephus Jitta A.N.* Ancestral Portraiture in Rome. P. 11-21.

²⁵ *Momigliano A.* The Origins of Rome // Cambridge Ancient History. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge, 2008. P. 89.

до н.э. Наиболее ранний из дошедших до нас элогиев, как известно, относится к консулу 298 г. до н.э. Л. Корнелию Сципиону Барбату (CIL I2, 2, 7; ILS 1). Впрочем, как отмечает Е.М. Штаерман, вряд ли дошедшие до нас элогии были первыми в этом роде, поскольку записи о деяниях знаменитых своими подвигами, заслугами перед народом и добродетелями римлян, несомненно, составлялись издревле и хранились в семейных архивах²⁶.

Вместе с тем, существует версия и о греческом влиянии, как одном из главных катализаторов появления римских изображений предков в форме восковых масок. Известно, что с V в. до н.э. в Риме появляются греческие художники, первыми из которых Плиний (ссылаясь при этом на Варрона) называет Дамофила и Горгаса, украсивших храм богини Цереры внутри Большого цирка в 493 г. до н.э. (Plin. N.H., XXXV, 154). Упомянутое свидетельство Плиния о Лисистрате и его изобретении посмертных масок для создания скульптурного портрета рассматривается при этом как важнейшая новация, позволившая создавать восковые *imagines* в Риме²⁷.

На наш взгляд, говоря о различных культурных влияниях в связи с происхождением практики изготовления *imagines* в Риме, нельзя забывать о том, что право выставлять дома изображения предков (*ius imaginis*) являло собой одну из древнейших привилегий патрициата. Главным письменным свидетельством об этом праве является краткое упоминание Цицероном (среди прочих привилегий предоставляемых эдилу) «права передать по наследству изображение на память потомству» (Cic. Verr., V, 36: *ius imaginis ad memoriam posteritatemque prodendae*). Другое важное указание Цицерона в связи с *ius imaginis* можно обнаружить в одном из его писем к другу Л. Папирию Пету. Разбирая родословную Папириев, оратор пишет о том, что среди них были не только плебеи, но и патриции младших родов (*patricii minorum gentium*), первым из которых он называет консула 444 г. до н.э. Луция Папирия Мугиллана. Упомянув некоторых других видных Папириев, занимавших наиболее значимые курульные должности, Цицерон пишет, что желал бы, чтобы его друг имел изображения (*imagines*) всех этих патрициев (Cic. Fam., IX, 21).

Г. Мейер считал, что до 367 г. до н.э. лишь патриции обладали правом хранить и выставлять изображения своих предков²⁸. Впоследствии это право получили также плебеи, но определенное различие между патрицианскими и плебейскими родами сохранялось. Некоторые исследователи предположили возможную взаимосвязь между появлением новой патрицианско-плебейской знати (*nobilitas*) во второй половине IV в. до н.э. и возникновением тради-

²⁶ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному// Культура Древнего Рима. Том. I. М., 1985. С. 26.

²⁷ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 249.

²⁸ Meyer H. Imagines Maiorum. Sp. 1099.

ции создания и публичной демонстрации *imagines*²⁹. Дж. Поллини достаточно убедительно обосновал тезис о том, что использование восковых масок предков началось со второй половины IV в. до н.э. и стало ответом патрициата на потерю в борьбе с плебсом монополии на другие аристократические отличия (право на курульные должности, право на триумф и другие)³⁰.

Есть основания полагать, что традиция почитания изображений знатных предков (*imagines maiorum*), пусть и не в форме восковых масок, древнее второй половины IV в. до н.э. Как свидетельствует Плиний, в 495 г. до н.э. консул Аппий Клавдий первым посвятил щиты с изображениями своих предков в храм Беллоны, пожелав чтобы они были помещены на возвышенном месте и видны согражданам (Plin. N.H., XXXV, 12). Согласно свидетельству Полибия, когда во время похорон актеры надевали маски, изображая предков покойного, то его родственники произносили хвалебные речи (*laudationes funebres*) не только в честь самого покойного, но и его предков (Polyb., VI, 53, 9). По словам Плутарха, первая подобная речь была произнесена Попликолой над телом Брута (Plut. Popl., 9, 7)³¹. М.Е. Сергеенко, отвергая это сообщение как недостоверное, считает первым словом, произнесенным в похвалу умершего, речь консула М. Фабия Вибулана над прахом своего товарища Гн. Манлия Цинцината и родственника Кв. Фабия в 480 г. до н.э.³²

Таким образом, происхождение *ius imaginum* (возможно, в несколько иной, чем в эпоху классической республики, форме), а вместе с тем и торжественной погребальной церемонии (*pompa funebris*) следует отнести не ко второй половине IV в. до н.э., а к первой половине V в. до н.э. Наличие этрусского или греческого влияния никоим образом не подразумевает заимствование этого установления, поскольку аналогичных форм почитания предков у греков или этрусков не обнаружено. Что действительно могло быть заимствовано, так это различные техники изготовления *imagines*: от предполагаемых терракотовых изображений предков (наподобие тех, что были найдены во дворце Мурло), которые могли употребляться в Риме еще в V в. до н.э., до восковых посмертных масок, которые, по-видимому, действительно начали изготавливаться со второй половины IV в. до н.э. при помощи упомянутого выше изобретения Лисистрата.

Теперь попробуем ответить на вопрос: в чем же состояло социальное и политическое значение *imagines maiorum* для римской аристократии? Для того чтобы прояснить это, необходимо проанализировать использование масок предков в торжественной погребальной процессии (*pompa funebris*).

²⁹ Hölkeskamp K.-J. Conquest, Competition and Consensus: Roman Expansion in Italy and the Rise of the *Nobilitas* // Historia. 42. 1993. P. 29; Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. P. 339-351.

³⁰ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 247 f.

³¹ Сравни: Dion. Hall., V, 17, 2-3.

³² Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима: Очерки быта. СПб., 2002. С. 227.

Римский погребальный ритуал достаточно подробно изучен в современной историографии³³. Известно, что до погребения тело покойного у римлян подвергалось серии ритуальных действий, которые поручались профессиональным сотрудникам похоронных бюро (*libitinarii*) и их помощникам (*pollinctores* – Sen. De Benef., VI, 38; Mart. Epigr., X, 97, 3)³⁴. Задачей поллинктора было натереть тело благовонными мазями, завернуть его в полотно и вообще приготовить к парадной выставке (Plin. N.H., XXIV, 17; Lactant., II, 14, 9). Русский ученый С.К. Кузнецов предположил, что именно поллинктор снимал с лица покойного гипсовую форму для маски, в которой он отливал потом настоящую восковую маску, может быть, обсыпав предварительно форму мукой (слово *pollinctor* производят обычно от латинского *pollen* – «мука»)³⁵.

Затем умершего одевали соответственно его званию: римского гражданина – в белую тогу, магистрата – в претексту или в то парадное облачение, на которое он имел право (консула или претора – в тогу с пурпурной каймой, цензора – в пурпурную, триумфатора – в шитую золотом, – Polyb., VI, 53, 7). Голову умершего украшали венками, полученными им при жизни за военные подвиги или победу на состязаниях (Cic. Pro Mur., 40, 88)³⁶.

Наиболее именитые граждане имели право на торжественные похороны (*funus indictivum*), на которые жители Рима созывались глашатаем заранее (Varr. De Ling. Lat., V, 160; VII, 42). Такие похороны нередко напоминали триумфальное шествие (Sen. Cons. ad Marc., 3, 1), проходя практически тем же маршрутом и останавливаясь на Форуме около Ростр³⁷. К.-И. Хёлькескамп пишет, что Форум использовался при этом как центр гражданской жизни республики, а Ростры как наиболее заметное место на Форуме для публичного появления³⁸.

В.М. Смирин относит обе церемонии к проявлениям римской идеологии славы, обращенной к массовой аудитории³⁹. Связь между триумфальным шествием и торжественной погребальной процессией прослеживается и в другом: актер, одевавший восковую маску и проезжавший на колеснице (Polyb., VI, 53, 8), мог напрямую напоминать триумфатора, чье лицо во время три-

³³ См. напр.: *Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World*. London, 1971; *Bodel J. Death on Display: Looking at Roman Funerals // The Art of Ancient Spectacle* / Ed. by B.A. Bergmann and Ch. Kondoleon. Washington D.C., 1999. P. 259-280; *Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима: Очерки быта*. СПб., 2002. С. 221-235.

³⁴ *Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World*. P. 45.

³⁵ *Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение*. С. 34.

³⁶ *Сергеевко М.Е. Жизнь Древнего Рима: Очерки быта*. С. 222, прим. 6.

³⁷ *Favro D., Johanson Ch. Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum // JSAH. Vol. 69. № 1. 2010. P. 16.*

³⁸ *Hölkeskamp K.-J. The Roman republic as theatre of power*. P. 164.

³⁹ *Смирин В.М. Римская республика III-II вв. // История Европы. Том. I. М., 1988. С. 488.*

умфа покрывалось красной краской в подражание Юпитеру Всеблагому Величайшему⁴⁰.

Торжественная церемония погребения происходила, конечно, днем, в самое оживленное время (Ног. Sat., I, 6, 42-44), с расчетом на то, чтобы блеснуть пышностью похорон⁴¹. При этом римляне издревле законодательно ограничивали расходы на частные похороны и, в особенности, на показательные приготовления для кортежа, который должен был доставить покойного к месту погребения⁴². Уже законы Двенадцати Таблиц содержали следующие ограничения: запрещалось пользоваться для костра обтесанными поленьями, нанимать больше десяти флейтистов и бросать в костер больше трех траурных накидок, которые носили женщины, и короткой пурпурной туники (Cic. De Leg., II, 23, 59). Для представителей римской элиты погребальная процессия предоставляла неоценимую возможность продемонстрировать свой политический капитал: популярность покойного и собственной семьи⁴³.

Ф. Пина Поло считает, что для римского менталитета особое значение имело сохранение памяти о покойном. Опираясь на ряд свидетельств античных авторов (Cic. Att., II, 15, 1; Sen. Suas., VI, 5), она предполагает, что торжественные похороны служили не только для того, чтобы справить необходимый ритуал погребения покойного, но и с целью обессмертить всех его знаменитых предков с помощью их восковых масок (*imagines*) и хвалебных речей (*laudationes*), упоминавших об их свершениях⁴⁴.

С другой стороны, античные авторы считали более важной иную функцию торжественных похоронных процессий: поощрение доблести в юношестве (Polyb., VI, 54, 3; Sall. Iug., 4, 5). Особая роль доблести (*virtus*) в римской ценностной шкале не подлежит сомнению. В каком-то смысле доблесть для римлян была синонимом добродетели вообще. Наградой за доблесть был почет (*honor*), выразившийся в избрании на почетные должности⁴⁵. Именно перечень должностей, которые занимали предки (*cursus honorum*), и становился сильнейшим стимулом к самореализации потомков.

Одновременно с этим внушительный список прославленных предков позволял даже бесславному юноше рассчитывать на успех в предвыборной кампании. Цицерон в одной из своих речей обвинял консула 58 г. до н.э. Л. Каль-

⁴⁰ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 250 f.

⁴¹ Сергеев М.Е. Жизнь Древнего Рима: Очерки быта. С. 224.

⁴² Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. P. 45.

⁴³ Favro D., Johanson Ch. Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum. P. 12, 16.

⁴⁴ Pina Polo F. Eminent Corpses: Roman Aristocracy's Passing from Life to History // Formae Mortis: El Tránsito De La Vida e La Muerte en Las Sociedades Antiguas. Colección Instrumenta 30. Barcelona, 2009. P. 90.

⁴⁵ Штаерман Е.М. От гражданина к подданному. С. 25 сл.

пурния Пизона: «ты прокрался на почетные должности обманом людей, с помощью рекомендации задымленных изображений, с которыми ты не имеешь ничего общего, кроме цвета» (Cic. In Pis., I, 1: obrepstisti ad honores errore hominum, commendatione fumosarum imaginum, quarum simile habes nihil praeter colorem). Похожую сентенцию о римском народе, который «титлам и образам предков всегда без разбора дивится» мы встречаем у Горация (Hor. Sat., I, 6, 17: qui stupet in titulis et imaginibus - пер. М. Дмитриева).

Э. Грюэн утверждает, что «новый человек» (*homo novus*) в римской политике мог встретить серьезные препятствия при выборах на ту или иную должность, так как он не мог похвастаться наличием предков, уже послуживших государству. Поэтому некоторые римляне даже устанавливали в своих домах *imagines* родственных семейств или испытывали стыд перед масками тех предков, которые не соответствовали достоинству рода (Plin. N.H., XXXV, 8)⁴⁶.

Одним из известнейших свидетельств, которые позволяют понять должное место изображений предков в социально-политической жизни римской республики, является речь, которую Саллюстий вкладывает в уста избранного в 107 г. до н.э. в консулы Гая Мария в своей «Югуртинской войне» (Sall. Jug., 85). В этой речи Марий отстаивает перед народом свое право на консулат и настойчиво повторяет одну и ту же мысль: «знатность порождается доблестью» (ex virtute nobilitas coepit – Sall. Jug., 85, 17) и эта «новая знатность» (*nova nobilitas*) ничуть не менее славна, чем древняя, которую обеспечивают изображения предков (*imagines maiorum*), а не личные заслуги (Sall. Jug., 85, 10; 85, 25). *Imagines* в этой речи столь прочно связаны с *nobilitas*, что у читателя не остается сомнений в настоятельной необходимости обладания этим инструментом саморекламы для успешной политической карьеры в римской республике⁴⁷.

Яркий пример политического применения *imago* дает нам род Корнелиев, который, в отличие от многих других аристократических родов, хоронил а не сжигал умерших сородичей в своем фамильном склепе на Аппиевой дороге в течение III-II вв. до н.э.⁴⁸ Во время торжественного погребального шествия Корнелии во II в. до н.э. добавили к обычному маршруту кортежа от дома покойного через Форум и Ростры к месту погребения посещение Капитолийского холма, где со 183 г. до н.э. в храме Юпитера Всеблагого Величайшего хранилась восковая маска (*imago*) Сципиона Африканского (Val. Max., VIII, 15, 1; App. Iber., 23). Современные исследователи предполагают, что по-

⁴⁶ Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. P. 154.

⁴⁷ Подробный разбор речи Мария у Саллюстия по: Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. P. 16-23.

⁴⁸ О фамильном склепе Корнелиев см.: Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. P. 39 f.

добное новшество имело вполне прагматическую цель: увеличить протяженность маршрута процессии, который без этого был весьма коротким (дом Сципиона Африканского находился поблизости от римского Форума)⁴⁹. Так или иначе, использование *imago* знаменитого победителя Ганнибала при похоронах очередного представителя рода Корнелиев позволяло им все время воскрешать в коллективной памяти римлян его неопределимые заслуги перед отечеством и этим увеличивать свой собственный политический вес.

Патрицианские роды с долгой историей, подобные роду Корнелиев, могли не только пользоваться преимуществами длительной истории своих предков и их изображениями, но и заказывать маски легендарных родоначальников, к которым они себя возводили. Лица подобных масок могли быть обобщенными и сохранять лишь определенные фамильные физиогномические черты⁵⁰. Из античных источников известно, по крайней мере, о существовании в доме Юниев маски одного из первых консулов республики Л. Юния Брута (Cic. Phil., II, 26) и об участии в похоронах старшего приемного сына Августа Друза масок Энея, альбанских царей, Ромула и Аттия Клавза (Tac. Ann., IV, 9, 2).

Красноречивое свидетельство мы имеем о похоронах Кв. Цецилия Метелла Македонского (115 г. до н.э.), оставившего после себя четверых сыновей, трое из которых стали консулами еще при жизни отца, а еще один был кандидатом в консулы, уже вступившим в свои права (Vell., I, 11, 7)⁵¹. Как сообщает Веллей Патеркул, именно сыновья Метелла поставили его погребальное ложе перед рострами (Vell., I, 11, 6). Этим они как бы закрепляли политическую преемственность своей семьи в жизни республики и увеличивали шансы на победу одного из них на очередных выборах⁵².

Таким образом, на наш взгляд, собственно политическая функция римских *imagines* была не менее важной в публичной репрезентации римской аристократии эпохи классической республики, чем их социальная или религиозно-магическая функции. Маски предков являлись в своем роде мощным инструментом политической борьбы в руках прославленных родов патрицианско-плебейского нобилитета. Благодаря *imagines*, римская знать постоянно оживляла в памяти сограждан собственные родословные, обращаясь к памяти предков не только во время погребения очередного представителя рода, но и в ходе предвыборных кампаний или словесных баталий на Форуме.

⁴⁹ Favro D., Johanson Ch. Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum. P. 17 f.

⁵⁰ Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome... P. 252.

⁵¹ Согласно Цицерону, трое сыновей были консулами, а четвертый – претором (Cic. De Fin., V, 27).

⁵² Pina Polo F. Eminent Corpses: Roman Aristocracy's Passing from Life to History. P. 94.

В заключение необходимо подвести некоторые итоги. Во-первых, мы попытались показать, что под *imagines* можно и нужно понимать не только восковые маски, использовавшиеся во время погребальных процессий, но и восковые бюсты (или головы), известные по иконографии некоторых археологических памятников, которые выставлялись в атриумах домов аристократических родов и употреблялись для домашнего почитания.

Во-вторых, мы полагаем, что *imagines* происходят от древнего патрицианского права передавать свои изображения потомству по наследству, которое, наряду с особой погребальной церемонией патрициев получило свое развитие с первой половины V в. до н.э. По нашему мнению, греческие и этрусские влияния отражались лишь на технике изготовления изображений. В частности, если поначалу римлянами могли употребляться терракотовые *imagines*, подобные некоторым этрусским находкам, то со второй половины IV в. до н.э. в Риме утверждается греческая техника изготовления посмертных восковых масок с помощью гипсовых слепков.

Наконец, являясь первоначально, главным образом, объектами культового почитания, *imagines* со временем обрели все более значимое общественно-политическое значение. Власть римской знати (нобилитета) во многом опиралась на представление о преемственном сохранении добродетелей (наиболее важной из которых была доблесть) в ее рядах. Зримым выражением подобных представлений являлись восковые маски предков (*imagines maiorum*), надевавшиеся во время погребального шествия специальными актерами, изображавшими знаменитых предков покойного. Эта характерная форма выражения римской визуальной культуры пережила республику и оказалась востребованной во времена Империи.

Список использованной литературы:

- Воцинина А.И. Очерк истории древнеримского искусства. Л., 1947.
- Кузнецов С.К. Погребальные маски, их употребление и значение. Казань, 1906.
- Сергеенко М.Е. Жизнь Древнего Рима: Очерки быта. СПб., 2002.
- Смирин В.М. Римская республика III-II вв. // История Европы. Том. I. Древняя Европа. М., 1988. С. 446-491.
- Штаерман Е.М. От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. Том. I. М., 1985.
- Altmann W. Die römischen Grabaltäre der Kaiserzeit. Berlin, 1905.
- Benndorf O. Antike Gesichtshelme und Sepulcralmasken. Wien, 1878.
- Bodel J. Death on Display: Looking at Roman Funerals // The Art of Ancient Spectacle/ Ed. by B.A. Bergmann and Ch. Kondoleon. Washington, 1999. P. 259-280.
- Dennis G. Die Städte und Begräbnisplätze Etruriens. Darmstadt, 1973.
- Drerup H. Totenmaske und Ahnenbild bei den Römern // Mitteilungen des Deutschen Archäologischen Instituts. Römische Abteilung. Bd. 87. S. 81-129.
- Gruen E.S. Culture and National Identity in Republican Rome. Ithaca, New York, 1992.

Hölkeskamp K.-J. Conquest, Competition and Consensus: Roman Expansion in Italy and the Rise of the Nobilitas // *Historia*. Vol. 42. 1993. P. 12-39.

Hölkeskamp K.-J. The Roman republic as theatre of power // *Consuls and Res Publica: Holding High Office in the Roman Republic* / Ed. by H. Beck, A. Duplâ, M. Jehne, F. Pina Polo. Cambridge, 2011. P. 161-181.

Favro D., Johanson Ch. Death in Motion: Funeral Processions in the Roman Forum// *JSAH*. Vol. 69. № 1. 2010. P. 12-37.

Flower H.I. Ancestor Masks and Aristocratic Power in Roman Culture. Oxford, 1996.

Meyer H. Imagines Maiorum // *Pauly-Wissowa Real-Encyclopädie der Classischen Altertumswissenschaft*. Bd. VIII. Hbbd. 17. Stuttgart, 1914. Sp. 1097-1104.

Momigliano A. The Origins of Rome // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge, 2008. P. 52-112.

Nicolet Cl. The World of Citizen in Republican Rome / Transl. P.S. Falla. Berkeley – Los Angeles, 1980.

Pina Polo F. Eminent Corpses: Roman Aristocracy's Passing from Life to History // *Formae Mortis: El Tránsito De La Vida e La Muerte en Las Sociedades Antiguas*. Colección Instrumenta 30. Barcelona, 2009. P. 89-100.

Pollini J. Ritualizing Death in Republican Rome: Memory, Religion, Class Struggle, and the Wax Ancestral Mask Tradition's Origin and Influence on Veristic Portraiture// *Performing Death: Social Analyses of Funerary Traditions in the Ancient Near East and Mediterranean*. Chicago, 2007. P. 237-285.

Toynbee J.M.C. Death and Burial in the Roman World. London, 1971.

Torelli M. Archaic Rome between Latium and Etruria // *Cambridge Ancient History*. 2nd ed. Vol. VII. Part 2. Cambridge, 2008. P. 30-51.

Vessberg O. Studien zur Kunstgeschichte der römischen Republik. Leipzig, 1941

Zadoks-Josephus Jitta A.N. Ancestral Portraiture in Rome. Amsterdam, 1932.

